МУРЗИЛКА

ДЕТИЗДАТ
МАРТ 1936

№ 3

МУРЗИЛКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ МАРТ 1936 № 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — ДЕТИЗДАТ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42

СОДЕРЖАНИЕ

взволнованные и возбужденные, столпились около Вакера и радиста.

— Товарищ Вакер,— сказал радист,— вот она секретная радиограмма на имя командира. Я решил сначала показать ее тебе...

— Читай, тут все свои,— коротко приказал рулевой.

Радист читал:

— „Командиру „Акулы“. Совершенно секретно. В Киле матросский мятеж. Порты Вильгельмсгафен, Куксгафен захвачены солдатскими советами. Вам немедленно предписывается...“

Стоящие у входа матросы подали знак. В отсек[1] вошел старший помощник. Он подозрительно покосился на матросов, но они, сидя на рундуках, мирно беседовали о погоде...

Командир ничего не слышал. Тяжелый сон застал его за недоконченной сводкой.

Проснулся он оттого, что его трясли за плечо.

— Разрешите доложить,— сказал суровый рулевой Вакер,— на горизонте дым!

„Акула“ погружалась носом. Волны накрывали палубу, разбивались об острую боевую рубку, шипя крутились вокруг орудий и вдруг словно слизнули „Акулу“. Лишь два тонких перископа с круглыми злыми стеклами ворочались во все стороны: это командир искал на горизонте дымок. Вот он нашел дымок, вот и верхушки мачт...

В перископе вслед за мачтами показалась труба, потом груженная лесом палуба, потом показался и весь пароход.

Флаг парохода настолько прокоптился дымом, что стал похож на грязный половичок. Да и сам пароход был неказист с виду.

— Тоже, мореплаватель! — брезгливо поморщился командир.— На такого и снаряда жаль потратить, а не то что торпеду[2].

— Всплывать!— резко крикнул командир.

— Артиллерийский расчет к орудию!— и он отдраил люк боевой рубки.

Но артиллеристы не показывались. Вместо них на мостик поднялись растерянные офицеры: старший помощник, штурман, механик, офицер-артиллерист и боцман.

— Они не хотят больше стрелять...— еле промолвил старший помощник, и губы его вздрогнули.

— С ними расправимся после. Сейчас пустим на дно этого неряху. К орудию!

Офицеры бросились к орудию. Когда оно было готово к выстрелу, командир махнул рукой. Орудие „Акулы“ охнуло и откатилось назад.

Впереди парохода от упавшего снаряда поднялся белый столб воды. На военно-морском языке это значило: „Остановись, не то будет худо!“

Но пароход изменил курс и пытался спастись полным ходом. За кормой у него вскипала вода, из трубы повалил черный густой дым.

Пароход до того осмелел, что у него на палубе вспыхнуло желтое пламя ответного выстрела. Но снаряд упал, не долетев до „Акулы“.

Кое-как вторая шлюпка была спущена. Матросы отчаянно работали веслами. Очевидно, от страха они гребли прямо к „Акуле“.

„Акула“ не прекращала огня. Снаряд попал в подводную часть парохода. В пробоину хлынула вода, но пароход все не тонул. Он гудел и гудел басом — не то жаловался, не то дразнился, но не тонул.

Вдруг на носу парохода вспыхнуло огромное желтое пламя, и гул взрыва покатился далеко по морю. В воздух взлетели какие-то предметы, люди, а из развороченной взрывом палубы пополз серый, тяжелый дым.

Командир усмехнулся, крикнул: „Огонь!“ И уже больше не отрывал бинокля от глаз.

Орудие „Акулы“ заговорило часто и ожесточенно. Снаряды со стоном ввинчивались в воздух. Первыми выстрелами была сбита пушечка парохода. Как игрушечная, кувырнулась она за борт. Потом рухнула вторая мачта. Она придавила проволоку, идущую к сирене. Пароход ревел, не переставая. Он ревел басом, чего от него никак нельзя было ожидать.

Снаряды осыпали палубу парохода, взметая доски кверху, но доски почему-то не загорались. Два снаряда один за другим угодили в трубу. Пароход, как туманом, окутался белым дымом и остановился.

Только тогда обнаружилось, что на пароходе были и люди. Видно было, как выбегали они на верхнюю палубу и, толкая друг друга, спускались в шлюпки. Одна шлюпка сорвалась. Матросы попадали в воду и барахтались там, как щенята.

На вторую шлюпку все просился какой-то матрос с огромным сундуком. Видно, жаль было ему расставаться с добром, накопленным тяжелым трудом матроса. Но сундук отпихивали.

Наверное, капитан, если судить по форме, и еще три матроса метались по палубе, охваченной огнем и дымом. Потом прыгнули за борт. За ними, наконец, отважился броситься матрос с сундуком. К счастью, сундук не утонул. Матрос вскарабкался на него и раскорячился, как лягушка.

Суживая круги, „Акула“ подбиралась к своей жертве. Теперь простым глазом был виден пароход — весь в дыму, в огне, в пробоинах. Он круто накренился набок, но все еще держался наплаву.

Не переставая посылать снаряд за снарядом, „Акула“ подходила к пароходу с кормы. Стали видны белые буквы на корме парохода:

ПАРТЕНОПЕ — НЕАПОЛЬ

— Итальянец! Он достоин торпеды, этот итальянец! — сказал командир.

— Но ведь это последняя наша торпеда, — ответил помощник.

В это время „Акула“, медленно обогнув корму „Партенопе“, шла по правому его борту.

Неожиданно с грохотом упали фальшивые борта парохода. Показались длинные дула морских орудий. Тотчас же последовал залп по „Акуле“. Два снаряда

попали в корму подводной лодки, два разорвались у борта, пятый вспыхнул на мостике.

В последнюю секунду командир „Акулы" видел, как на мачте мнимого итальянца взвился английский военно-морской флаг. На палубу выбежал морской офицер с перевязанной головой, черный от дыма и ожогов.

Подводная лодка камнем летела на дно. Над головой оглушительно рвались снаряды с судна-ловушки. Бледные подводники ожидали смерти.

Снаряды с „Акулы" изрешетили пароход, и, не будь он преднамеренно гружен лесом, он давно бы пошел ко дну.

Машинисты на „Партенопе" работали по пояс в воде, ожидая с секунды на секунду взрыва котлов. Артиллеристы буквально поджаривались на палубе, горевшей под ними. Уцелевшие матросы хрипло кричали „ура".

— Вижу перископ! — оборвал их нервный возглас сигнальщика. Командир судна-ловушки увидел, как над водой мелькнул и исчез перископ подводной лодки.

— Ну, теперь нам конец, — сказал командир судна-ловушки и хотел снять фуражку, — он забыл о том, что ее давно уже не было на его раненой голове.

В это время на „Акуле" командир крикнул так, чтобы слышали все:

— Последняя торпеда, ребята! Пошлем ловушку ко всем чертям и — домой!

Старший помощник доложил командиру, что во второй и третий отсек быстро прибывает вода.

Командир „Акулы" ни о чем не хотел знать. Он крикнул: „Пли!" Но в эту же минуту он увидел перед собой рулевого Вакера.

— Баста, командир! Ведите лодку на всплытие. Конец войне!

Торпеда — самодвижущаяся мина.
Подводная лодка разделяется стальными стенками на отдельные части, которые и называются отсеками.

— Вы с ума сошли! — вскрикнул командир и потянулся к заднему карману брюк, где лежал маузер.

— Это вы с ума сошли!.. В Берлине революция... Баста! Я говорю конец войне!

Командир „Акулы" выхватил маузер, но чья-то рука, как в тиски, зажала его локоть.

— Теперь я знаю, в какую сторону стрелять! — услышал командир голос артиллериста.

Выстрела слышно не было, потому что артиллерист, нажимая на собачку револьвера, приставил его к груди командира.

— Арестовать офицеров! Запереть в каюты! Приставить стражу! — властно крикнул рулевой Вакер.

Матросы, словно только и ожидали того, и молниеносно выполнили его приказания...

Офицерские посты заняли матросы. „Акула" круто изменила курс.

Через час „Акула" всплывала. Матросы радостные выбегали наверх. Море ласкало их разгоряченные лица.

Далеко на горизонте еле заметной точкой маячило судно-ловушка...

— Теперь нам никто не помешает. Читай, товарищ радист, — сказал Вакер, и подводники первый раз увидали, как хорошо и открыто может улыбаться суровый Вакер. Ликующий радист взобрался на мостик и почти кричал оттуда:

— „Командиру „Акулы". Совершенно секретно. В Киле матросский мятеж. Порты Вильгельмсгафен и Куксгафен захвачены солдатскими советами. Вам немедленно предписывается итти в базу. Всякий корабль или подводная лодка императорского флота, идущая под красным флагом, должны быть вами немедленно потоплены..."

Подводники смотрели на радиста и смеялись, обнимали друг друга и высоко подбрасывали фуражки.

Рыжий сигнальщик прикреплял к флагштоку артиллерийский флаг.

Флаг был красный. Он развернулся и затрепетал по ветру.

КЕМ БЫТЬ?

СТИХИ В. МАЯКОВСКОГО

Владимир Владимирович ***Маяковский*** *— революционный поэт. (Родился в 1894 г., умер в 1930 г.)*

У меня растут года,
будет мне семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?

НУЖНЫЕ РАБОТНИКИ —
СТОЛЯРЫ И ПЛОТНИКИ!

Сработать мебель мудрено:
сначала
мы
берем бревно
и пилим доски,
длинные и плоские.

Эти доски
вот так
зажимает
стол-верстак.
От работы пила
раскалилась добела.
Из-под пилки
сыплются опилки.

Рубанок в руки —
работа другая:
сучки-закорюки
рубанком стругаем.
Хороши стружки —
желтые игрушки!

А если
нужен шар нам
круглый очень —
на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
то ножку.

Сделали вот столько
стульев и столиков.

СТОЛЯРУ ХОРОШО,
А ИНЖЕНЕРУ —
ЛУЧШЕ:
Я БЫ СТРОИТЬ ДОМ ПОШЕЛ —
ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.

Я
сначала
начерчу
дом
такой,
какой хочу.

Самое главное,
чтоб было нарисовано
здание
славное,
живое словно.

Это будет
перед,
называется — фасад.

Это
каждый разберет:
это — ванна,
это — сад.

План готов,
и вокруг
сто работ
на тыщу рук.

Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там
визжит лебедка,
подымает балки,
будто палки,
перетащит кирпичи,
закаленные в печи.

По крыше выложили жесть —
и дом готов,
и крыша есть.
Хороший дом,
большущий дом,
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нем
удобно и просторно.

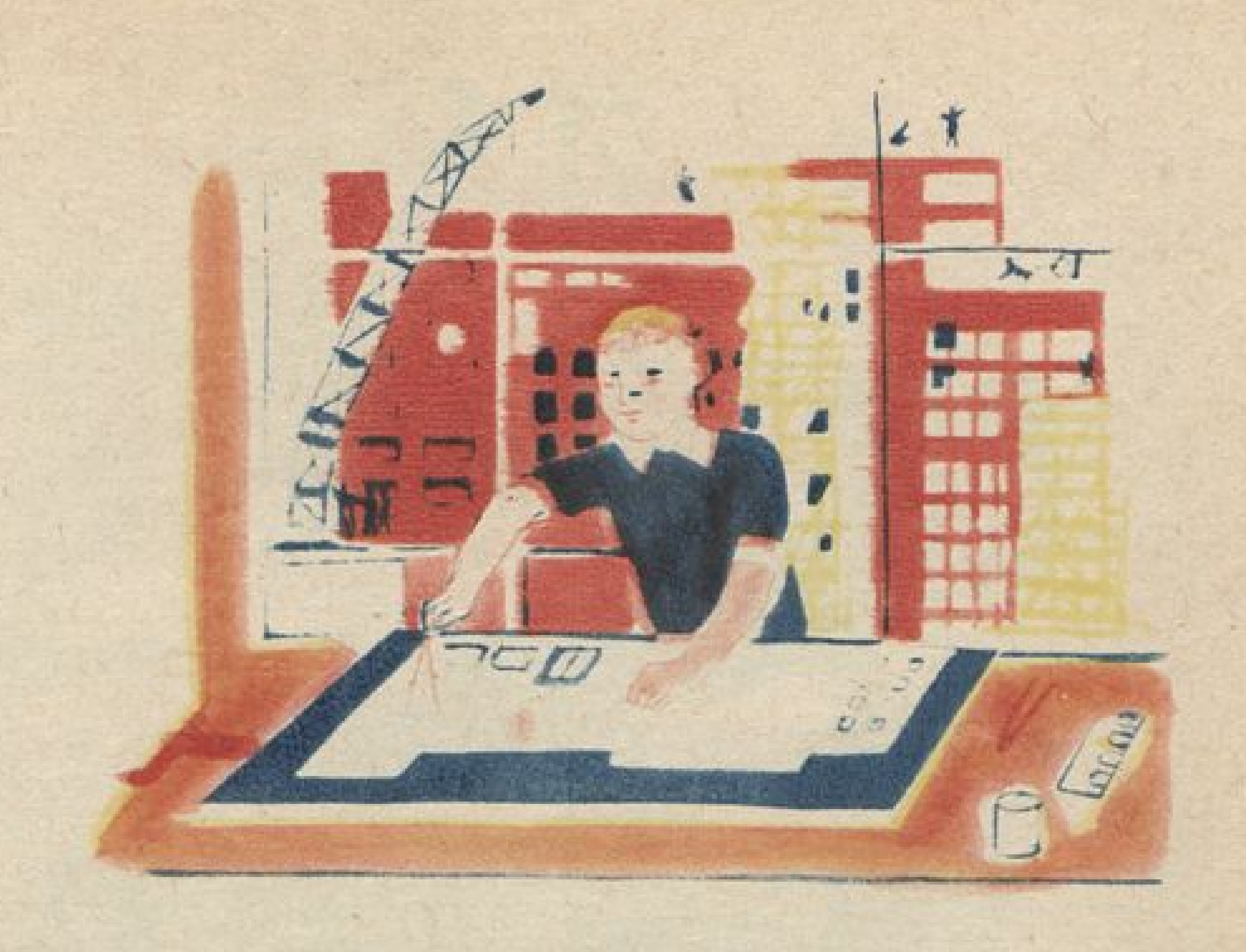
**ИНЖЕНЕРУ ХОРОШО,
А ДОКТОРУ —
ЛУЧШЕ:
Я Б ДЕТЕЙ ЛЕЧИТЬ ПОШЕЛ —
ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.**

Детям
я
лечу болезни —
где занятие полезней?
Я приеду к Пете,
я приеду к Поле.

— Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?
Как живете?
Как животик?

— Поставьте этот градусник
подмышку, детишки! —
И ставят дети радостно
градусник подмышки.

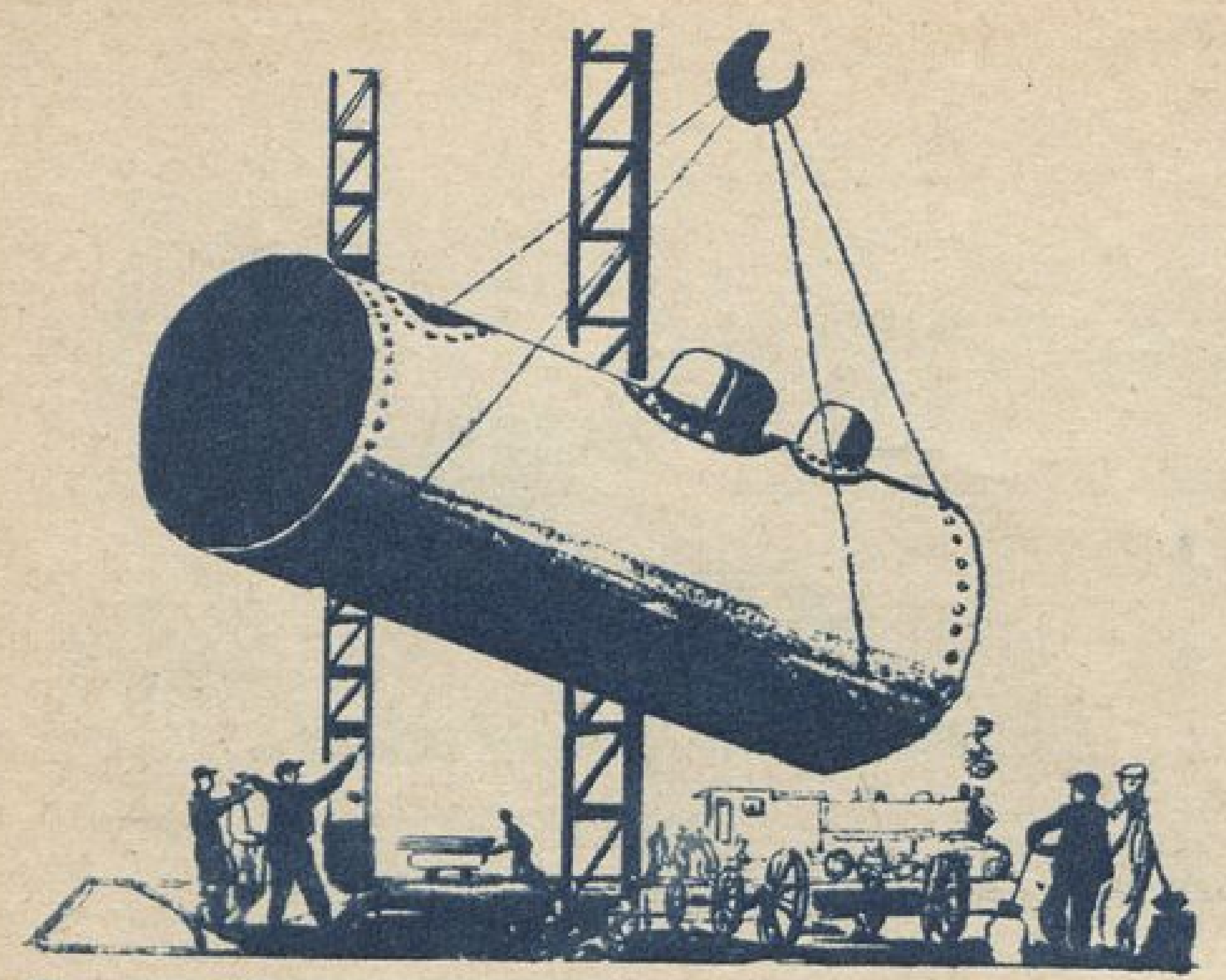
— Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку.

Вам
в постельку лечь
поспать бы,
вам —
компресс на живот,
и тогда
у вас
до свадьбы
все, конечно, заживет.

**ДОКТОРАМ ХОРОШО,
А РАБОЧИМ —
ЛУЧШЕ:
Я Б В РАБОЧИЕ ПОШЕЛ —
ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.**

Вставай!
Иди!
Гудок зовет,
и мы приходим на завод.
Народа —
уйма целая,
сто или двести.
Чего один не сделает, —
сделаем вместе.
Можем
железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести тащим;
молот паровой
гнет и рельсы травой.
Олово плавим,
машинами правим.
Работа всякого
нужна одинаково.
Я гайки делаю,
а ты —
для гайки
делаешь винты.
И идет
работа всех
прямо в сборочный цех.
Болты,
лезьте
в дыры ровные,
части
вместе
сбей
огромные.
Там —
дым,
здесь —
гром.
Гро-
мим
весь
дом.
И вот
вылазит паровоз,
чтоб вас
и нас
и нес
и вез.

НА ЗАВОДЕ ХОРОШО,
А В ТРАМВАЕ —
ЛУЧШЕ:
Я Б КОНДУКТОРОМ ПОШЕЛ —
ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.

Кондукторам
езда везде.
С большою сумкой кожаной
ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно.
— Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,
бери любые —
зеленые,
красные
и голубые.
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы, —
садись
и грейся.

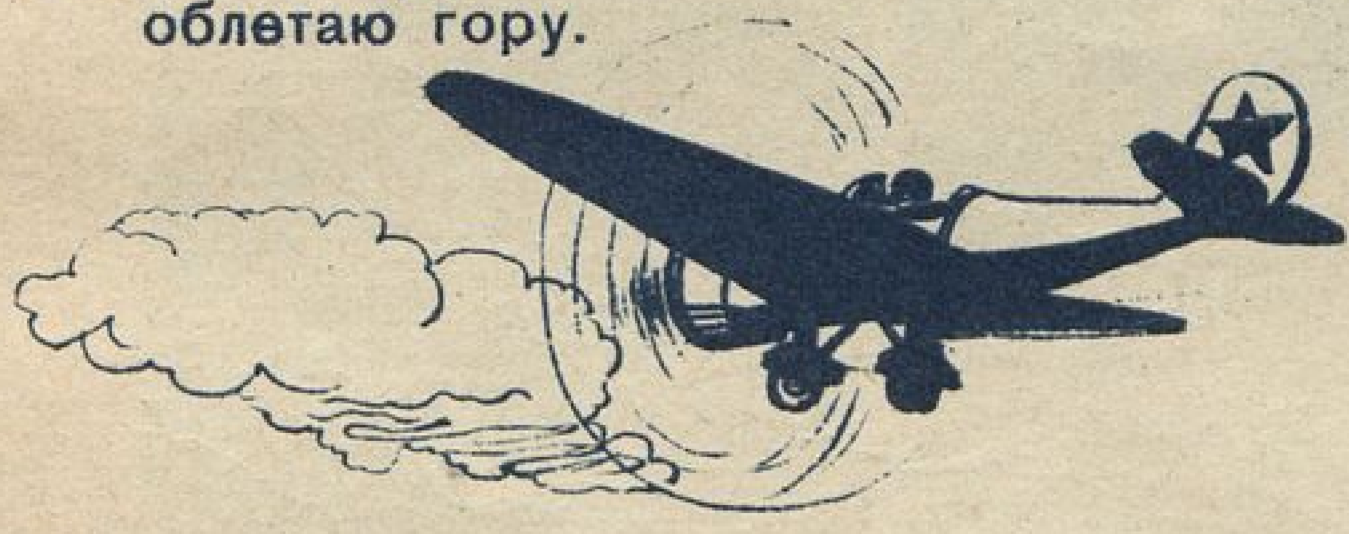

КОНДУКТОРУ ХОРОШО,
А ШОФЕРУ —
ЛУЧШЕ:
Я Б В ШОФЕРЫ ПОШЕЛ —
ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.

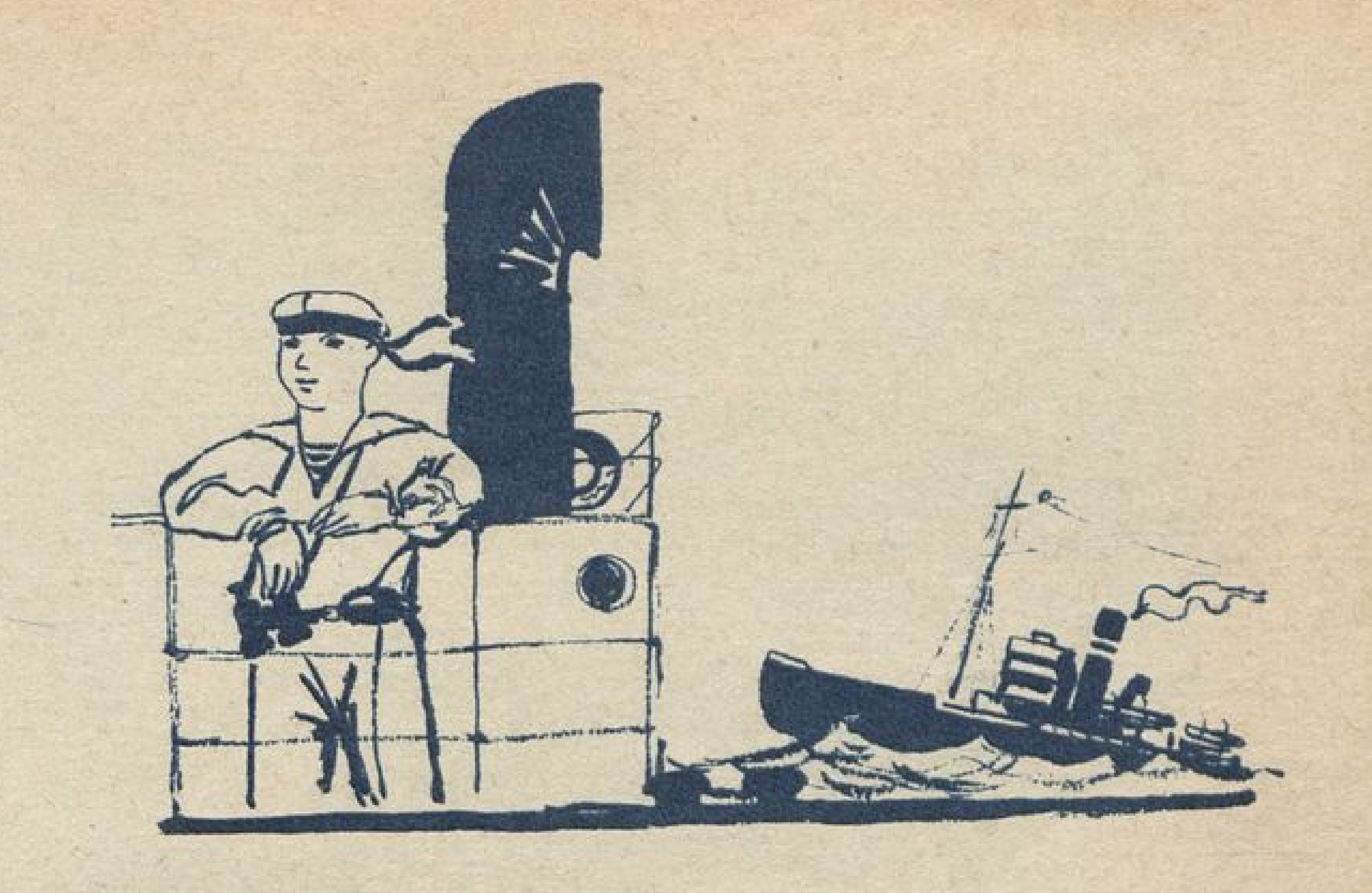
Фырчит машина скорая,
летит скользя.
Хороший шофер я —
сдержать нельзя.
Только скажите,
вам куда надо —
без рельсы
жителей
доставлю на дом.
Е-
дем,
ду-
дим:
„С пу-
ти
Уй-
ди!“

**БЫТЬ ШОФЕРОМ ХОРОШО,
А ЛЕТЧИКОМ —
ЛУЧШЕ:
Я Б В ЛЕТЧИКИ ПОШЕЛ —
ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.**

Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.
„В небеса, мотор, вези,
чтобы птицы пели“.
Бояться не надо
ни дождя,
ни града.
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря,
без разговору
облетаю гору.

„Вези, мотор,
чтоб нас довез
до звезд
и до луны,
хотя луна
и масса звезд
от нас отдалены“.

**ЛЕТЧИКУ ХОРОШО,
А КРАСНОФЛОТЦУ —
ЛУЧШЕ:
В КРАСНОФЛОТЦЫ Я Б ПОШЕЛ —
ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ.**

У меня на шапке лента,
на матроске —
якоря.

Я проплавал это лето,
океаны покоря.

Напрасно, волны, скачете, —
на зависть циркачу,
на реях и по мачте
гуляю, как хочу.

Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная, —
открою
полюс
южный,
а северный —
наверное.

Книгу переворошив,
намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай —
на вкус!

„Стрекоза".

С картины знаменитого русского художника И. Е. Репина.

Картина находится в Третьяковской галлерее в Москве.

ЛИСА И ПЕРЕПЕЛ

(Казахская сказка)

Было это давным-давно. Свела Лиса знакомство со старым Перепелом, и такая у них дружба завязалась, что просто диво: и спят, и едят, и на промысел ходят — все вместе.

Однажды Лиса говорит Перепелу:

— Давно мы с тобой, Перепел, дружим, а ты еще ни разу меня не угостил как следует. Это не дело.

— Ладно, не хнычь, — отвечает Перепел. — Будет тебе угощенье. Беги-ка за мной, да не отставай.

Сказал и полетел в ближний аул. А Лиса припустилась следом.

В ту пору в ауле шел пир: бай дочку выдавал замуж. Наехали к баю гости со всех концов, сидят на земле вокруг белой скатерти, не могут съесть всего, что перед ними наставлено.

Не долетая до аула, Перепел закричал Лисе:

— Ты, Лиса, оставайся здесь, вперед носа не суй, а срок придет — не зевай!

Притаилась Лиса за аулом, а Перепел полетел дальше и сел прямо на середину скатерти.

Гости зашумели, замахали руками.

— Лови, держи! Перепел, видно, раненый!

А Перепел увернулся от них и сел неподалеку снова. Гости бросились за ним и уже вот-вот готовы были его схватить, но он взлетел опять и опять опустился поблизости. Так, перелетая с места на место, он летел все дальше и дальше, и гости не отставали от него. Когда же они очутились далеко за аулом, Перепел вдруг взвился в небо и пропал из виду.

Тем временем Лиса забежала в аул и давай разгуливать по скатерти. Чего уж только тут она не отведала! Съела казан бишбармака, казан еремшека, три большущих казы [1], выпила полный турсук [2] кмыза. Так наелась, что еле домой добралась.

А Перепел ее уже давно поджидает.

— Ну, Перепел, — говорит Лиса, — спасибо тебе, сыта я по горло. Теперь и повеселиться бы не плохо. Посмеши-ка меня, дружок.

— Хорошо, — отвечает Перепел, — насмешу я тебя до упаду.

Привел Перепел Лису к кибитке одного старика и говорит:

— Спрячься здесь и смотри, что будет.

---

[1] **Бишбармак, еремшек, казы** — лакомые казахские кушанья.

[2] **Турсук** — кожаный сосуд, в котором хранят кмыз.

В ту пору старик сидел подле кибитки и чинил узду, а старуха его тут же доила кобылицу.

Покружился, покружился Перепел над старухой, да и уселся к ней на самую макушку.

Увидел это старик, кричит:

— Сиди смирно, старуха, не шевелись: сейчас я поймаю Перепела — будет нам с тобой хороший ужин!

Схватил он мешок, подкрался поближе, размахнулся пошире, да как накроет старуху с головой! А Перепел-то улетел.

Завопила старуха на всю степь, вцепилась старику в бороду.

— Ах ты, старый дуралей! — кричит. — Я тебе покажу, как перепелов ловить!

А Лиса смотрит на все это из-за кибитки и с ног валится от смеха. Прилетел к ней Перепел.

— Ну, — говорит ему Лиса, — спасибо тебе, приятель. Уж так ты меня насмешил, так распотешил — век не забуду! Теперь я хочу, чтобы ты испытал мою храбрость. Напугай-ка меня, если можешь.

— Ладно, — отвечает Перепел, — могу тебя и напугать.

Пошли они степью. Навстречу им три всадника. Лиса говорит:

— Давай спрячемся в траве, они нас не заметят.

Спрятались друзья, притаились, но только всадники поровнялись с ними, Перепел из травы:

— Вот и мы! Вот и мы!

Спешились всадники, стали ловить Перепела, да и наткнулись на Лису. Лиса — тягу, а всадники в седла и за ней. Гоняли они ее по степи до вечера, еле она ноги унесла.

Прибежала Лиса домой чуть живая и думает:

„Постой же, Перепел, я с тобой расправлюсь“.

А Перепел тут как тут.

— Ну, — спрашивает, — подружка, довольна ли ты сегодня мной?

Тут Лиса, ни слова не говоря, хвать его за хвост!

Чует Перепел — дело плохо — и говорит Лисе:

— Не обидно мне умирать, только обидно, что мы с тобой так долго дружили, а я и перед смертью не знаю, как тебя зовут.

— Как ты не знаешь? — спросила Лиса и выпустила из зубов хвост Перепела.

А Перепел взмахнул крыльями и скрылся из глаз.

С тех пор Лиса и Перепел врозь живут, и дружбе их конец пришел.

Худ. Д. Горлов

КОМСОМОЛЬЦЫ

А. Гольдберг
Худ. В. Васильев

ДВА БРАТА

Под осенним солнцем колыхались желтые травы равнины. За пограничным лесом высились горы Манчжурии. Кругом, как всегда, было безлюдно. Пограничники ехали медленно. Они вглядывались в каждый куст и каждый бугорок.

Валентин Котельников заметил всадников. Из-за леса выехал конный отряд и осторожно двинулся вдоль опушки.

— Японцы,—тихо сказал Валентин.

Пограничники хлеснули коней и помчались наперерез отряду.

Японцы придержали коней. Издали было видно, как под офицером затанцовал вороной.

Вдруг негромко, словно в ладоши, захлопали выстрелы. Японцы скакали к лесу, оборачивались и стреляли на ходу.

— Стреляй!—крикнул Котельников и вскинул винтовку. Раненая под японцем лошадь упала на колени. Пограничники настигали отряд.

В эту минуту пуля ударила Валентина в грудь. Он прицелился еще раз, но не смог удержать винтовку. Конь Валентина „Гонг" пошел шагом. Валентин сидел в седле, странно согнувшись, уронив голову на грудь.

Через день комсомолец Петр Котельников получил телеграмму.

— „Валентин Котельников погиб на посту",—прочел он и сразу даже не понял, что это о брате. Он прочел еще раз и еще раз.

Потом подошел к окну. Внизу был виден двор. Еще пионерами они с Валентином играли здесь в белых и красных. Потом они выросли, оба стали комсомольцами, пошли работать на завод. Два года тому назад все комсомольцы провожали Валентина на Дальний Восток. Теперь Валентина нет. Его убили.

Так думал Петр. Потом он сел к столу и написал:

„Мой брат погиб на границе. Обращаюсь с просьбой принять меня добровольцем в ряды Красной армии".

Через месяц на станции Никольско-Уссурийск из вагона вышел красноармеец. На перроне он увидел шеренгу бойцов. Они кричали „ура" и салютовали ему. Они обнимали его и жали ему руки. Так бойцы пограничной заставы имени Валентина Котельникова встретили брата своего погибшего товарища.

На заставе Петр подошел к командиру.

— Товарищ начальник,—сказал он,—

боец Петр Котельников явился в ваше распоряжение для несения службы на границе.

— На коне ездить умеешь? — спросил командир.

— Нет, не умею.

— Ничего, научим. — И командир приказал привести коня.

Это был „Гонг“ — конь Валентина.

Затем командир взял клинок и винтовку и передал новому бойцу.

— Носи с честью оружие своего брата, — сказал он.

Через несколько дней на границу выехали два пограничника. Равнина была покрыта снегом. За лесом высились горы Манчжурии. Кругом было безлюдно. Но всадники ехали медленно. Они вглядывались в каждый кустик, в каждый бугорок. Один из всадников был Петр Котельников.

АСТРОНОМ

В школе маленького Колю Флоря ребята дразнили звездочетом.

— Эй, звездочет, много звезд насчитал? — кричали они на переменках.

Это было очень обидно. Но Коле было всего восемь лет, и он не мог справиться с обидчиками. Он просто делал

вид, что ему все равно. Каждый вечер он вылезал из окошка и подолгу смотрел на звезды. Он разглядывал толстые книги, где были нарисованы звезды и планеты. Он собирал стекла от очков и биноклей. Однажды Коля смастерил трубу со стеклышками на концах.

В трубу звезды казались большими и яркими, а на луне были видны горы и долины. В эту трубу Коля показал ребятам затмение луны.

И тогда ребята перестали его дразнить.

Коля мечтал: вырасту большим — обязательно буду астрономом.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Комсомолец Николай Флоря стал ученым астрономом.

...Вечером 9 января 1936 года на летное поле вынесли оболочку субстратостата. До затмения луны оставалось четыре часа. Серые облака, словно шапкой, закрывали небо. Резкие порывы ветра бросали оболочку из стороны в сторону.

В такую погоду лететь было опасно. Флоря это знал и волновался. Он боялся, что полет не состоится и он не увидит затмения луны.

Но вот стратонавт Зилле подал знак. Медленно стала наполняться оболочка субстратостата. Рабочие принесли и прикрепили открытую подвесную корзину. Стратонавты приготовились к полету.

— Дай свободу! — раздалась команда.

— В полете, — ответили с поля.

— Есть в полете, — и субстратостат оторвался от земли.

Флоря перегнулся через борт и посмотрел: медленно вниз уходила земля. Стратонавт выбросил мешок с баластом. Корзину рвануло кверху, и перед глазами проплыли первые клочья облаков. Казалось, мокрая вата налипла на лицо, на руки, на одежду. Субстратостат медленно подымался в глухом сером тумане.

На высоте четырех тысяч метров стало трудно дышать. Морозный воздух жег лицо.

Стратонавты одели кислородные приборы и резиновые маски.

Мешок за мешком выбрасывали стратонавты баласт. Все быстрее скользил вверх стратостат, но туман все колыхался сверху, снизу, с боков.

Наконец, был сброшен последний мешок баласта. Субстратостат рванулся вверх и всплыл над облаками. Над головой было звездное ночное небо.

В небе стояла большая светлая луна. Вдруг черная тень вползла на край луны. Это начиналось затмение. Флоря направил и установил астрономические приборы.

Так молодой ученый астроном, комсомолец, впервые в мире наблюдал лунное затмение из корзины субстратостата на высоте шести тысяч метров.

ПОЛЕТ НА ТАНКЕ

В последнее время танкист Андрей Серов стал задумчив и молчалив.

Ночью он долго не мог уснуть, а днем то и дело что-то записывал и чертил в записной книжке.

— Что ты там сочиняешь?— спрашивали его танкисты.

Андрей молчал и только таинственно улыбался. Он шел к своему танку и подолгу возился, поглядывая в свою записную книжку.

Отряд готовился к ученью. Командир Чупров должен был показать бойцам прыжок танка.

На огромное снежное поле выползли танки. Один из них ускорил бег и помчался вперед к глубокому оврагу. Это был танк командира Чупрова. Все видели, как танк приподнялся и легко перепрыгнул овраг.

Ученье продолжалось. Командир объяснил танкистам, как нужно управлять танком во время прыжка. Потом он предложил кому-нибудь из бойцов попробовать прыгнуть. Тогда вперед вышел танк Андрея Серова. Он двигался медленно, будто нехотя. Командир Чупров с тревогой следил за ним. Но вдруг машина рванулась вперед и на третьей скорости понеслась по полю. Гусеницы глубоко взрывали сугробы, снежная пыль вихрем неслась за танком. Над самым оврагом танк вдруг взвился на дыбы.

Словно огромная бескрылая птица, он пронесся в воздухе и опустился в снег далеко за оврагом.

Танк возвратился. Товарищи окружили Андрея. Командир Чупров пожал ему руку.

— Знаете ли вы,— сказал он,— что ваш прыжок небывалый,он перекрыл все нормы?

— Знаю,— спокойно ответил Андрей.

Он вытащил свою записную книжку и стал объяснять, как он добился такого прыжка. В книжке были чертежи и цифры.

— А мы думали, что ты стихи сочиняешь!— засмеялись танкисты.

Комсомолец Андрей Серов посвятил свой прыжок X съезду комсомола.

ПОЖАР

На улице гудели голоса, кто-то пронзительно кричал: „Ваньку зовите! Ваньку!“

И вдруг Ваня расслышал короткие и тревожные удары колхозного колокола. В одном белье Горюнов выскочил из избы. На улице было пусто. За деревней в темном небе колыхался высокий столб рыжего пламени.

На колхозном току горели стога соломы. Они стояли друг подле друга кольцом вокруг площадки тока.

Огонь ревел и завывал. Горящие соломинки взлетали роями.

Перед стогами метались, кричали люди. Они тащили жерди, крюки, качали пожарную помпу, ведрами лили воду в огонь.

Среди горящих стогов стояли трактор и молотилка. Пламя подбиралось к ним. Их надо было спасти, но никто не решался итти в огонь. Ваня побежал вокруг тока. Он вглядывался в горящие стога, но нигде не мог найти лазейки. Перед глазами колыхалась огненная завеса. Тогда комсомолец выхватил из чьих-то рук ведро воды и вылил на себя. Закрыв голову руками, он бросился в огонь. Толпа замерла. Пламя проглотило смельчака.

Ваня проскочил через полосу огня. Обожженный, он хватал пригоршнями землю и гасил на себе горящие белье и волосы.

Трактор и молотилка были рядом.

Задыхаясь от дыма, Ваня подполз к трактору. Ощупью он нашел крюк и зацепил его за молотилку. Потом он вскочил на сиденье, к рулю.

Пламя попрежнему кипело. И вдруг сквозь рев пламени прорвался четкий стук. Раскидывая горящую солому, шел трактор. Он волочил за собой молотилку. За рулем, закопченный и полуголый, сидел лучший комсомолец Сосновского колхоза Ваня Горюнов.

Загадки

1. Две головы,
   шесть ног,
   а едет на четырех.

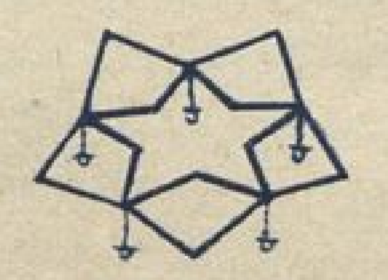
2. Доброе, хорошее,
   на всех глядит,
   на себя не велит.

ОТГАДКИ НА ЗАГАДКИ в № 2

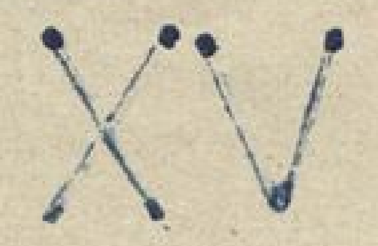
Первая — ДВЕРЬ.
Вторая — РУКИ.

ОТГАДКИ НА ГОЛОВОЛОМКИ в № 1

Увеличь звезду.

Как сделать из четырех спичек пятнадцать, не ломая их?

ПОЧЕМУ?

Е. Тараховская
Худ. Е. Афанасьева

У него есть голубая
рисовальная тетрадь,
но на марку Парагвая
он ребятам предлагает
ту тетрадку обменять.

У него альбом богатый—
у него есть Парагвай!
Но дает он марку брату:
— У тебя есть жук рогатый.
Поменяемся давай?

Он берет жука живого
и кладет его в пенал.
Жук в пенале арестован.
Но жука с пеналом Вова
на лягушку променял.

Но лягушка не ватрушка
и не сладкий пирожок.
Он сестре дает лягушку:
— Ты за это дай мне плюшку!
Поменялись? Хорошо?

Нет, он плюшки есть не хочет!
Вот у брата карандаш!
Ну и здорово отточен!
— Ты за плюшку, между прочим,
Карандаш мне не отдашь?

Самолеты и трамваи
хочет Вова рисовать.
Где ж тетрадка голу-
бая?

Он на марку Парагвая
обменял свою тетрадь.

Почему?
Потому что любит Вова
все, что видит у другого.

Ракетница

А. Кокин
Худ. В. Ладягин

Однажды на аэродроме мы ждали очередной почтовый самолет. В сумерках показался долгожданный почтовик.

Летчик выпустил из ракетницы белую ракету и осветил площадку. Мы ждали второй, красной ракеты, чтобы осветить кострами поле для посадки. Вдруг самолет начал скользить к земле. Мы увидали, что ракета попала на его плоскость, пробила обшивку и зажгла ее. Пламя с крыла было сбито струей воздуха, и самолет сел на землю. Мы побежали к нему. Машина с обгоревшей плоскостью слегка вздрагивала от порывов ветра. Около машины стоял смущенный летчик и ругался.

— Ругайся, не ругайся, а до ремонта летать не придется, — заметил один из нас.

У самолета остался дежурный моторист, а мы пошли к дежурке.

Кусты орешника цеплялись за платье, загораживая дорогу.

Неожиданно заговорил молчавший до сих пор дежурный летчик:

„Да, ракетница. С ракетницей уметь обращаться надо.

Дело было в прошлом году. Мы работали на почтовой линии. Каждый рейс наш самолет встречал Костя, сын железнодорожника. Это был смуглый, худощавый и очень бойкий мальчик. Он бежал к нам на площадку с вершины сопки, суетился вместе со всеми и так волновался, точно сам собирался полететь с нами на машине. В этот день Костя вылез на гребень самой высокой сопки. Оттуда было хорошо видно площадку в лощине. На нее должен был сесть почтовый самолет. Костя ждал его третий день. Небо было чистое, в самый раз для полетов. Внизу гонялась за фазаном костлявая лайка.

Вдруг мальчик насторожился.

По склону горы, пригнувшись к орешнику, двигались три человека. Они прятались в кустарнике, часто останавливались, оглядывались по сторонам. В шапки их были воткнуты зеленые ветви орешника. Издали казалось, будто движутся кусты. Костя быстро пригнулся к земле и отполз обратно за гребень сопки.

„Уж не шпионы ли перешли границу?“ — подумал мальчик.

Он осмотрел гребни соседних сопок. Далеко внизу была видна фигура красноармейца на лошади, а еще дальше синели постройки заставы.

„Не добежать, не докричаться, — тревожно думал Костя. — А, может, они пройдут, а тогда уже...“

Люди осторожно приближались. Они прошли почти рядом с Костей. Он даже вздохнул облегченно. Но вдруг совсем близко раздался собачий лай. Костлявый

пес, радостно повизгивая, запрыгал около Кости. Мальчик похолодел от страха. Людей не было видно в орешнике; только там, где они проходили, качались ветки. Вдруг раздался резкий свист, и на шее собаки зазмеился петлей шпагат со свинцом на конце. Прямо перед собой Костя увидел усатое лицо.

— Молчи!—прошипел незнакомец мальчику и мгновенно скрутил ему руки за спину. Он посадил Костю рядом с полузадохшейся от петли собакой. Из кустарника бесшумно подползали остальные двое. Усатый приказал:

— Проверить оружие!

Все трое вынули револьверы, внимательно их оглядели и спрятали вновь. Они кого-то поджидали. Усатый то и дело смотрел на часы. Вдруг Костя услышал знакомый гуд самолета. Неизвестные вскочили на ноги и, прикрываясь кустами, побежали в лощину. Вверху, покачивая крыльями, плыл самолет. Вот он опустил одно крыло к земле, а другое поднял вверх. Развернувшись, самолет шел на посадку. Мимо Кости низко-низко проплыли буквы „СССР-850“. Костя вскочил на ноги.

„Беда будет, беда будет, беда будет!“— выстукивало сердце у мальчика. И, перепрыгивая через кусты, он побежал вниз. Он услышал, будто кто-то рвет китайские хлопушки. Внизу стреляли. Бежать было трудно, руки были крепко связаны за спиной. Но до полянки было недалеко. И тут он увидел на земле двух человек. Усатый лежал ничком в орешнике, он был убит. Рядом лежал летчик. Он тихо стонал и зажимал рукой рану на шее. Костя опустился рядом с ним на траву.

— Дядя Тима, дядя Тима! — позвал он.

— Самолет угнали... белогвардейцы... задержать надо... — прохрипел раненый, застонал и закрыл глаза. Самолет рулил к дальнему краю поляны. В нем сидели те двое. Костя опять окликнул летчика.

— Дядя Тима, дядя Тима, развяжи мне руки!

Летчик открыл глаза и, стиснув зубы, приподнялся с земли. Слабеющей рукой он пошарил в кармане пальто и вытащил ракетницу.

— Сжечь самолет надо, — кивнул он головой в сторону рулящей машины.— Ракетница заряжена... Беги. Костя...

Через силу он развязал ему руки и, сунув в них ракетницу, снова свалился на землю.

Костя глянул на упавшего и побежал навстречу самолету. Самолет развернулся против ветра и, подняв хвост, бежал прямо на Костю. Белогвардейцы уходили. Еще мгновенье, и самолет оторвется от земли. Костя вытянул руку с ракетницей вперед и нажал спуск.

Силой выстрела Костю отбросило на спину. Ракета, шипя, упала на капот самолета, и пламя охватило мотор. Самолет оторвался от земли, пролетел метров двадцать и, охваченный огнем, ткнулся винтом в землю. Он пылал ярким костром. В огне раздавались крики, ругань. С треском рвались накалившиеся патроны. А со склонов сопки, от заставы, уже скакал галопом отряд пограничников...“

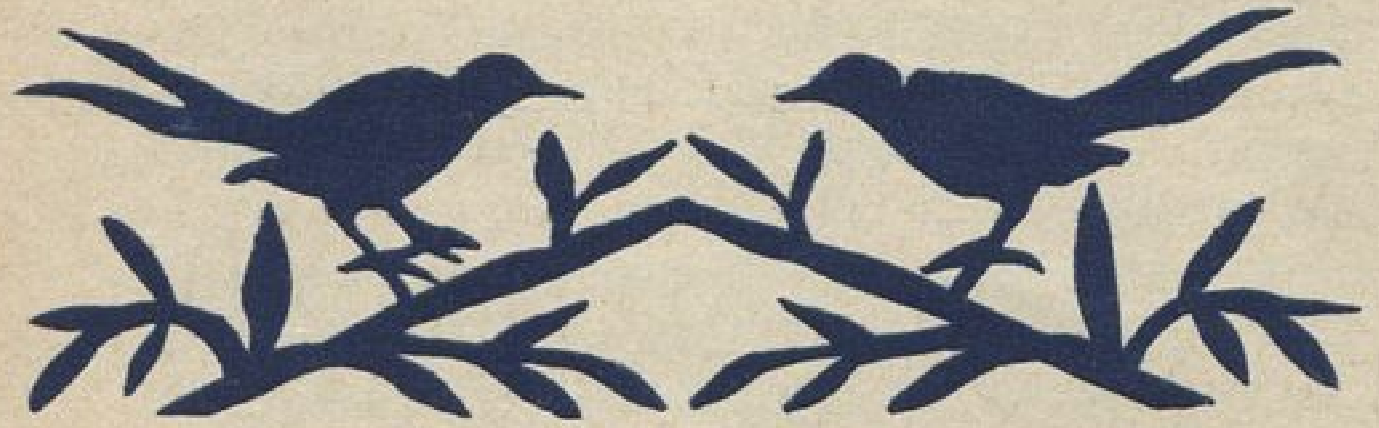
Мы шли и молчали.

Мы смотрели на гребни высоких сопок, покрытые, как шапкой, густым орешником. Вспоминались разные дела и случаи на беспокойных границах нашей могучей родины.

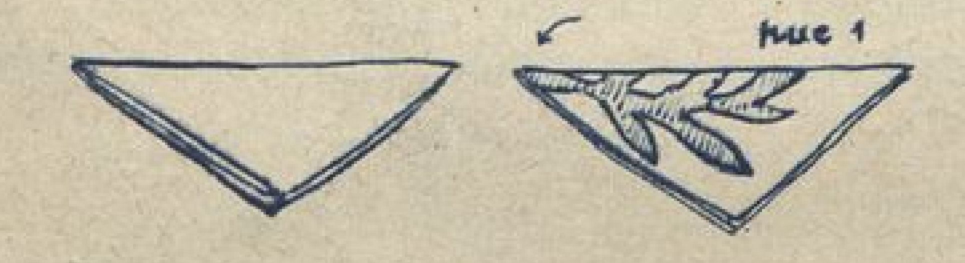
Ножницы художницы

Силуэты, вырезанные из бумаги.
Худ. Е. Е. Лебедева

Все рисунки, какие ты видишь здесь, вырезаны ножницами из бумаги. Попробуй сам вырезать цветы, веточки, птиц, животных. Вырежь из бумаги одного цвета, а наклей на бумагу другого цвета. Очень легко вырезать самые разнообразные узоры, если ты правильно сложишь бумагу для своей работы. На сложенной бумаге срезай полоски, треугольники, кружочки и вообще какие хочешь фигурки. Помни только, что на изгибах надо оставлять несрезанные места, а то все листки разлетятся у тебя в разные стороны.

Возьми квадрат, сложи его один раз пополам слева направо, сложи еще раз пополам снизу вверх, а потом перегни наискось. У тебя получится треугольник.

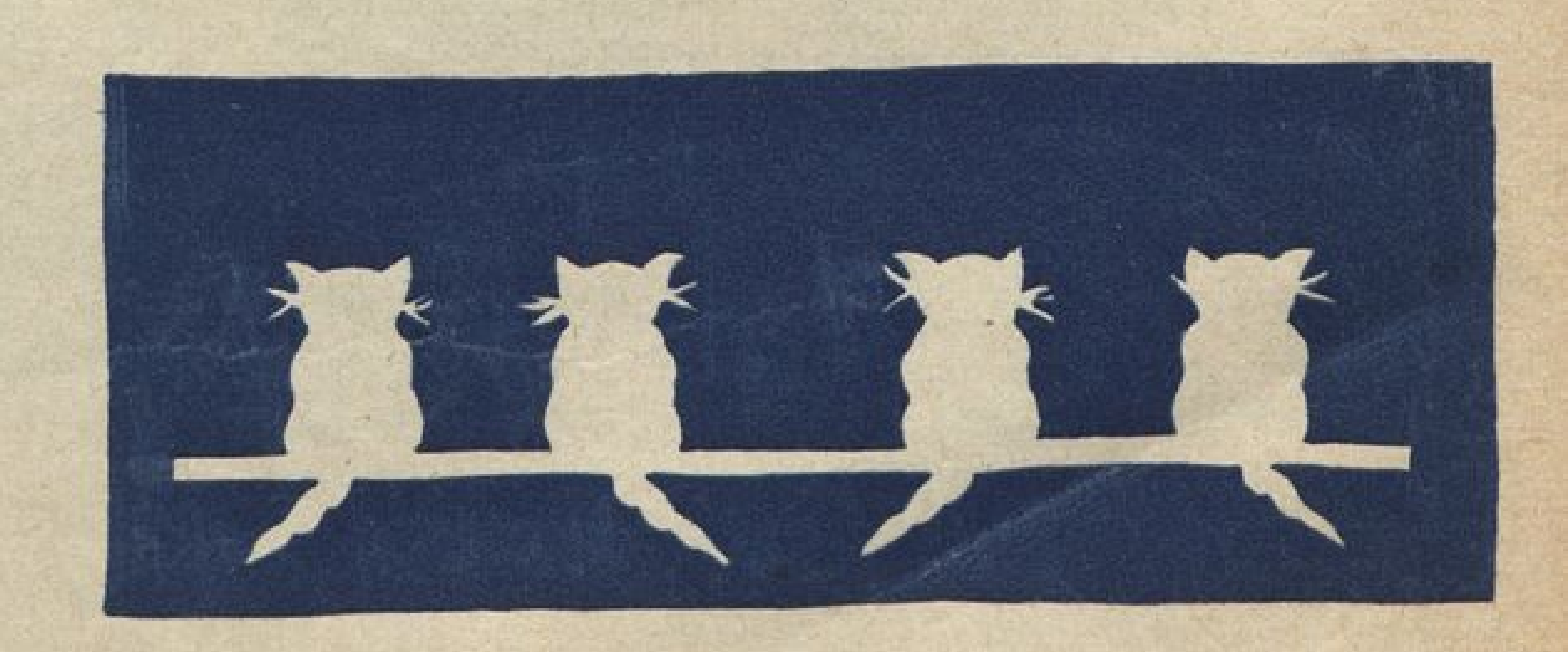

Держи всегда треугольник за уголок. Здесь находится середина твоей бумажки. Теперь начинай вырезать.

Глядя на рисунок № 1, срежь на своем треугольнике те места, которые здесь заштрихованы. Разверни, и у тебя получится вот какой узор: Свои узоры ты сможешь срисовать и потом вышить, выпилить.

ПОДАРКИ X СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА

В ближайшее время в Москве открывается X съезд Краснознаменного Ленинского комсомола. Ребята всего Союза ССР готовят к съезду свои подарки. Мы помещаем несколько лучших работ московских октябрят и пионеров.

Октябренок-юннат Зоя Тихонова наблюдает за ветками черемухи. Они должны расцвести к X съезду комсомола.

Ребята из детского комбината Военной академии им. Фрунзе в подарок съезду вылепили из глины скульптуру „Чапаев".

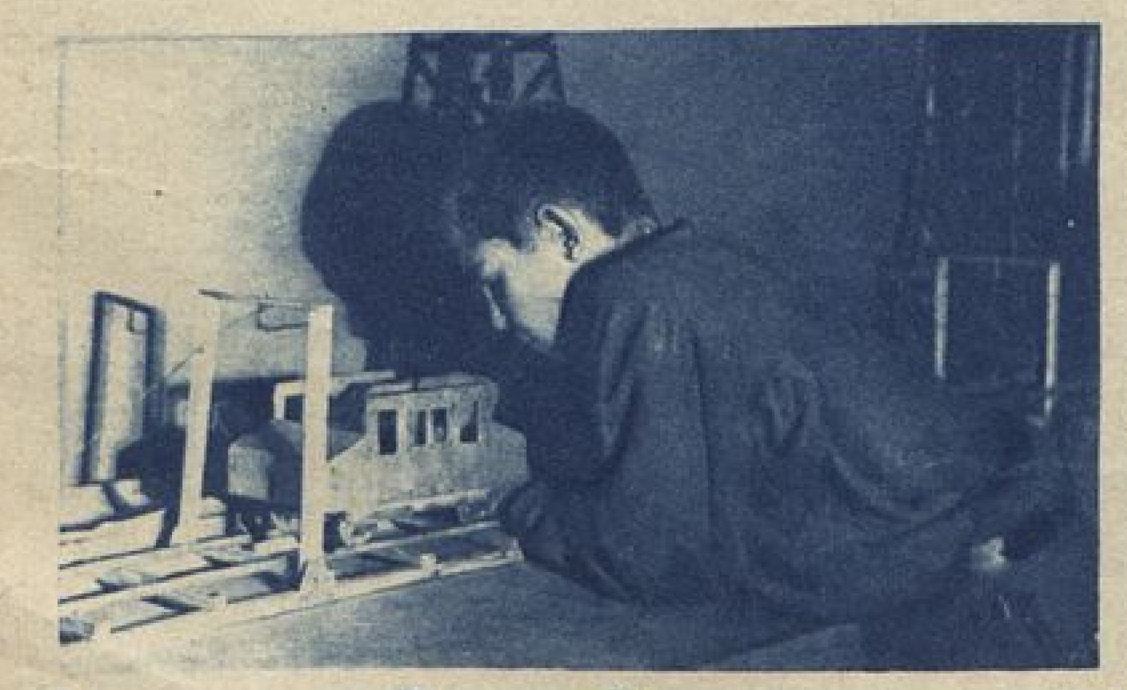
В доме им. Павлика Морозова работает кружок кукольниц. Девочки сделали куклы трех героев комедии Н. В. Гоголя „Ревизор"—городничего, лекаря и судью.

А это Петр Петрович Петух—один из героев поэмы Н. В. Гоголя „Мертвые души".

Эту куклу—русскую девушку Курской губернии в старинной одежде—сделала кукольница Нина Королева.

Юный техник Володя Булатов сделал движущуюся модель электровоза.

Любимая книжка пионерки Марианны Магари—Дефо „Робинзон Крузо". В подарок съезду Марианна сделала макет: „Жизнь Робинзона Крузо на острове".

Цена 50 коп.

Рисунок пионера Коли Кузина.

А это вышивка-апликация, подарок октябренка Нюры Захаровой, воспитанницы пионеркоммуны „Спартак".

Юннат Коля Костюков сделал зарисовки зимующих птиц. Это его рисунок „Синичка".

Эту салфетку вышила Маня Спичкина.

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
Ответственный редактор Н. Венгров. Оформление Веретенникова В.

Сдано в набор 1/II 1936 г. Подписано к печати 5/III 1936 г. Объем 3 печ. Ст.-формат 62×94. 1/8 л. Детиздат № 583
Уполномоченный Главлита Б-19433. Заказ N 422 Тираж 225 000 экз.

Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.